

Согласно существующему мнению различие между нравственностью и правом состоит в том, что нравственность покоится на «внутреннем убеждении», а право на «внешнем установлении», представляет «внешние нормы», независимые от личных убеждений. Л.И. Петражицкий назвал такую позицию ошибочной: «Позитивное право представляет не нечто внешнее, а внутренние императивные-атрибутивные переживания; и потому особенность его состоит не в том, что оно существует в ином месте – вовне, а в осложнении интеллектуального состава внутренних переживаний представлениями, которые мы назвали представлениями нормативных фактов, представлениями соответствующих Божественных или человеческих велений, соответствующего поведения предков и т.д.» [1].

Однако точка зрения на то, что право-сфера внешней свободы человека, а мораль внутренней была и остаётся распространённой и востребованной. Попробуем разобраться в причинах популярности такого взгляда на соотношение права и морали. Сначала выясним, в чём сходятся исследователи. Не вызывает споров необходимость принятия во внимание внутренних побуждений человека при правонарушениях, и особенно при преступлениях.

Так, П.И. Новгородцев утверждал: «Если право и принимает во внимание мотивы, то не при исполнении (выделено мною. – В.Ш.), а при нарушении закона, там, где требуется определить виновность лица, что, конечно, не может быть сделано без освещения субъективной стороны правонарушения» [2].

Иное отношение к оценке роли внутреннего при правомерном поведении. Здесь выделяется точка зрения, в которой обосновывается безразличие права к мотивам, целям совершения правомерных действий (бездействий). «Для правового регулятора, – считает Я.З. Хайкин, в принципе безразличны все вариации индивидуальных выборов поведения, которые могут быть продиктованы различными причинами, условиями, целями и т.п.» [3].

Изложенная точка зрения относительно правомерного поведения не кажется столь убедительной. Дело в том, что не только негативное, но и позитивное поведение имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Ни законодатель, ни правоприменитель не смогут рассчитывать на эффективное, результативное осуществление принципов, норм права, если при их создании, применении проявлено безразличие к потребностям, интересам людей, проигнорированы их ценностные ориентации. Следовательно, учёт внутренней стороны правомерного поведения важен на всех стадиях работы механизма правового регулирования. Это и не берут во внимание те авторы, которые относят право к сфере внешней свободы, напрямую связанной с принуждением. Разберём их *аргументы*.

«Право... всегда связано с возможностью принуждения... Поэтому наиболее характерными для юридической области следует признать те нормы, которые запрещают вторгаться в сферу чужих прав и нарушают чужую свободу. Без обязательного исполнения таких норм самое сожитие людей было бы невыносимо» [4], - считал П.И. Новгородцев.

Чуть ниже П.И. Новгородцев объясняет, где и почему принуждение не требуется. «Там, где свобода выбора может быть предоставлена отдельным лицам без ущерба для общественной безопасности, нет нужды прибегать к принуждению... Есть действия, до такой степени связанные с внутренними мотивами, что без наличия последних они теряют всякий смысл. Религиозный обряд, например, если он не проникнут внутренним чувством, не только лишается своего значения, но и превращается в недостойное лицемерие. Точно так же акты милосердия и любви к ближним, равно как и известный нравственный уклад личной жизни, столь тесно связаны с внутренним настроением лица, что здесь юридические нормы должны прекратить своё влияние из опасения нарушить нравственную свободу» [5].

Безусловно, религиозный обряд, акты милосердия и любви предполагают соответствующие внутренние настроения. Однако почему только они? Психологический настрой лиц, вступающих в юридический брак, решивших стать опекунами, принять участие в выборах, в переписи населения, не менее необходим для достижения поставленных целей. Во всех этих и подобных многочисленных ситуациях правовое регулирование также влияет на внутреннюю сторону правомерного поведения. Действие же юридических норм не ограничивает свободу личности, а, напротив, посредством предоставления прав превращает её в реальность. В уполномочивающих нормах нет повеления, нет императива. Поэтому их необоснованно относить к группе гетерономных социальных норм, то есть основывающихся на внешнем принуждении, внешней силе. Это не соответствует образу права как общей мере свободы, главное в котором права и свободы, исключаящие в своей реализации требование какого бы то ни было принуждения.

Конечно, право признаёт правомерным поведение независимо от внутреннего настроения личности, не принуждает действовать по мотиву долга, из добрых чувств. Вторжение права во внутреннюю свободу «жёсткими» юридическими средствами иначе как насильем над личностью не назовёшь. Но следует ли из этого, что право всегда удовлетворяется внешней стороной поведения, а внутренние настроения, мотивы не принимаются во внимание содержанием норм права. Думается, не следует, если в центр теории права ставить не категорию «должное», а категорию «возможное». Последнее в корне меняет взаимоотношения между правом и личностью.

К использованию права (прав и свобод) нельзя принудить. Личность, наделённая правами, в их правомерном осуществлении никому и ничего не должна. Её поведение схематично выглядит так: «Я вправе вести себя так-то и так-то, когда мне нужно и когда я хочу». Если бы, например, право на

участие в референдуме предполагало, что гражданин обязан участвовать в нём (независимо от того, желает он или нет), то этого гражданина нельзя было бы назвать ни внутренне, ни внешне свободным.

В ситуации свободного выбора варианта поведения эффективное действие права как общей меры свободы (прав и свобод) напрямую зависит от внутреннего состояния человека, его отношения к юридическим принципам, нормам. Всякое внешнее воздействие, основанное на властной принуждающей силе, не просто не работает, оно недопустимо. Находящиеся в статьях законов, подзаконных актах, других источниках права управомочивающие нормативно-регулятивные средства содержат не предписания, приказы к подчинению, не угрозу ответственности, а различные предложения – дозволения, использование или неиспользование которых определяется свободным волеизъявлением управомоченного.

Дозволительное правовое регулирование требует не только свободного от подчинения и принуждения пространства (территории), особой системы нормативно-регулятивных средств, но и иного (по сравнению с правовым регулированием, построенным на идее долга) механизма психического побуждения. Главная отличительная черта такого механизма – ориентированность на субъективную сторону поведения. Для того чтобы цели, заложенные в праве, были достигнуты, определения лишь внешних границ дозволенных действий явно недостаточно.

Важно, чтобы человек, которому адресованы права и свободы, обратил на них внимание, осмыслил их, увидел в них именно то самое, недостающее, открывающее путь к желанной цели, проявил готовность воспользоваться ими. Одно внешнее, формальное осуществление прав и свобод без развитого правового внутреннего настроя не даст необходимого результата ни личности, ни обществу. Итак, признание правомерности поведения независимо от мотивов, не недостаток права, не свидетельство о нем как о низшем пределе нравственности. Напротив, в этом видится преимущество права, допускающего свободу поступать различно, исходя из внутреннего отношения к окружающей действительности. Передав в руки личности «рубильник», «спусковой крючок», дающий начало работы дозволительному механизму правового регулирования, и не располагая властной силой требовать, предписывать внутреннего самоопределения личности, право, одновременно, не отказывается от воздействия на индивида. Отличительная особенность такого воздействия в том, что оно является не принуждающим, а позитивно побуждающим, что и склоняет индивида принять осознанное, добровольное и выгодное решение.

Таким образом, право как общая мера свободы (прав и свобод) открывает простор человеческому «я», его желаниям, склонностям, в чём заключается одно из основных условий того, что право способно пользоваться не одним внешним, а также и внутренним авторитетом, быть явлением далеко не безразличным человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. - СПб.: Лань, 2000. - С. 149.
2. Новгородцев П. Право и нравственность / П. Новгородцев // Правоведение. - 1995. - № 6. - С. 106.
3. Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем / Я.З. Хайкин. - М.: Высш. шк., 1972. - С. 179.
4. Новгородцев П.И. Право и нравственность. - С. 109; см.: Черненко А.К. Философия права. - Новосибирск, 1998. - С. 63.
5. Новгородцев П.И. Указ. соч. - С. 109.